

- Александра Довгулёва (магистратура, 2-ой курс). *Завтра будет жизнь* (рассказ посвящается светлой памяти студентов-герценовцев)
- А.З. Атлас. *О моём отце, Залмане Ароновиче Атласе (1918 - 1999), выпускнике Герценовского института 1941года*
- Нина Николаева (4-ый курс). *Память о моём прадеде, Иване Петровиче Тараканове*
- В.Н. Карловская. *О моём отце, Науме Львовиче Шадрине*
- Александра Шарапова (магистратура, 2-ой курс). *Воспоминания моей бабушки о войне*
- Лидия Трофимова (4-ый курс). *Моя бабушка в годы войны*
- Наталья Лотина (4-ый курс). *Война, которая разлучает людей*
- Антон Киселёв (4-ый курс). *О войне и её последствиях*
- Мария Опарина (4-ый курс). *Мои родные на фронте*
- Валерия Заравняева (4-ый курс). *Мои родные в годы войны*

Александра Довгулёва,
магистратура, 2-ой курс

Завтра будет жизнь

(рассказ посвящается светлой памяти студентов-герценовцев)

*Спасибо не за снисхожденье,
А за спасённую мечту!*

Л.И. Хаустов

В аудиторию входят только молодые люди. Ропот прошёл среди студенток, которые уже собрались пройти вслед за открывающим дверь преподавателем. Однако никто не хотел спорить за пять минут до начала экзамена. Юноши прошли, пожимая плечами, даже не догадываясь об истинной причине такого странного поведения экзаменатора. Тот был удивительно задумчив. Хмуря седые брови, он наблюдал за тем, как мальчики проходят между рядов, выбирая себе места. Молчал он и тогда, когда все сели и затихли, ожидая, что же скажет преподаватель. Наконец, Фёдор Владимирович заговорил, и голос его был удивительно спокойным.

— Началась война с фашистской Германией, – объявил он, оглядывая аудиторию.

В повисшей тишине голос с последней парты был особенно громким:

— Ну, их быстро разобьют!

Среди молодых людей послышались одобрительные возгласы.

— Нет.

Голос преподавателя был твёрдым.

— Это большая война, надолго!

Фёдор Владимирович ещё раз оглядел своих учеников. Им было по 19 -20 лет, по сути, ещё дети, но решительность на их лицах подсказала ему, что преподаватель не ошибся, когда пригласил их в аудиторию раньше. В полной тишине он заполнял зачётные книжки. Все студенты получили сегодня отлично.

А в коридоре царило невиданное оживление. Оставленные в одиночестве девчата с удивлением наблюдали похожую картину у соседних аудиторий, и

неизменно на лицах преподавателей была мрачная решимость. А потом кто-то услышал чей-то взволнованный голос:

— Скорее! По радио Молотов выступает, война!

Как война? Никто не ожидал этого, все застыли, вслушиваясь в слова, доносившиеся из радиоприемника. Стоявшая в углу Люба беззвучно плакала.

Началась война.

Уже на следующий день в одном из зданий Ленинградского педагогического института им. Герцена открылся призывной пункт. Их мальчики, которые ещё вчера больше всего на свете боялись провалить экзамены, стояли в длинной очереди, собираясь записаться добровольцами на фронт. Юноши, сдавшие экзамен Фёдору Владимировичу, были одними из первых, и уже собирались уезжать.

Люба, как и её подруги, наблюдали за тем, как сокурсники залезают в машины, которые доставят их туда, где о войне знали не понаслышке. Они смеялись, шутили, радовались предстоящему путешествию, будто бы и не на фронт едут вовсе. Все знали, страна сильна, и не больше чем через месяц они вернуться, и снова сядут за учебники. Машина тронулась.

— Берегите себя,— крикнул кто-то, кидая вслед удаляющимся добровольцам ветку цветущей сирени.

— Скоро будем,— послышался ответ, — пишите, девчата, нам по адресу: Берлин, Фридрихштрассе!

Возвращаясь в общежитие, Люба слышала, как шедшие навстречу студентки обсуждали предстоящие курсы медсестёр. Похоже, они тоже собирались на фронт! В их комнате никого не было, кроме Оли, которая быстро собирала вещи.

— Ты тоже собираешься записаться добровольцем? – удивлённо спросила Люба соседку.

— Нет, – мрачно ответила она, застёгивая сумку, – я еду домой.

Девушка подумала, что ослышалась.

— Почему?

Оля родилась в Краснодарском крае, в месте, которое теперь находилось в глубоком тылу, и Люба не могла поверить, что теперь девушка сбегает. Никто из её подруг, да и сама Люба, даже не думали о том, чтобы уехать.

— Я должна быть с семьёй, — ответила она, — я старшая среди четверых детей, самому младшему братишке всего два года, я нужна им.

Оля замолкла. Взяв сумку, она вышла за дверь, а Люба не понимала, как можно было уехать, когда целая страна в опасности? Она была уверена, что забота о семье была простым оправданием собственной трусости.

К сожалению, на следующий день Люба узнала, что не только Оля поступила так. Студентки начали уезжать, и в глазах оставшихся они были предательницами.

Но скоро все забыли об этом. Война ворвалась в Ленинград, осенью начались бомбёжки. Люба с подругами сидела в бомбоубежище, сжавшись в комочек, так страшно ей не было никогда в жизни! После первой бомбёжки, сама Люба задумалась о том, что нужно уехать. Где-то там, за Уралом, был дом, который теперь казался таким далёким! Но всё-таки, она осталась: выехать из города не было возможности. Она уже несколько ночей спала в одежде, зная, что в любую минуту ночная тишина может быть разорвана сигналом воздушной тревоги или свистом падающих снарядов, что было ещё страшнее. И спускаясь в подвал, Люба и ещё пять девочек, не знали, успеют ли они. И в какой-то момент девушке пришла в голову мысль, а стоит ли вообще подниматься из этого подвала на поверхность, где так близко ходит смерть?

Во время одной из бомбёжек погибла одна из соседок по комнате. Нюра была милой и тихой девочкой, и подруги, уже впятером, долго плакали, и каждая из них понимала, что если бомбёжки продолжатся, их подруга будет первой, а не единственной.

А потом Люба перестала бояться. Бомбёжки казались теперь чем-то привычным, и не для неё одной. В середине сентября сигнал тревоги прозвучал во время лекции, и ко всеобщему удивлению, преподаватель предложил остаться в аудитории. Все согласились.

Куда страшнее стало спускаться в столовую... Всё меньше и меньше были порции, всё чаще в буфете была только варёная чечевица, разбавленная мутным бульоном. А потом и её не стало. Люба с благодарностью вспоминала чечевичный суп, когда в столовой не оказалось ничего. Голод был страшнее бомб, от которых

можно было спрятаться в подвалах и убежищах, голод находил тебя везде, куда бы ты ни пошёл.

В конце октября Люба осознала ещё одну пугающую вещь: приближались холода, а у девушки из одежды были только три ситцевых платица, да вязаная кофта, а на ногах единственная пара летних туфель. Однажды, одев всё сразу, Люба ехала вместе с подругами рыть окопы в подмерзшей земле. Кроме студенток делать это было некому. И совсем близко от их института, почти в центре города, они с недоумением принялись за работу, с ужасом и неверием думая, неужели до сюда действительно может добраться враг?! Вечером началась бомбёжка, и машина за ними не приехала. Уже ослабевшие от голода, они шли пешком, убегая от наступавшего ночного холода. Оказаться на улице ночью теперь значило неминуемую гибель. И Люба шла по улице, не чувствуя окоченевших пальцев, стараясь не думать о том, что сегодня она не успела получить в булочной хлеб...

Однажды весенним утром девушка поняла, что не может встать с постели. Наверное, только охвативший её ужас помог пошевелить неподвижные ноги и руки. Только усилием воли она смогла заставить себя встать и идти на лекцию. Сегодня среди подруг была её очередь делать конспекты. Неделю назад они договорились разделить между собой обязанности. Теперь стало легче, ведь пока Люба будет старательно записывать лекции, Катюша будет стоять в очереди за хлебом, Таня и Варенька возьмут в столовой для всех порции горячего мучного супа, а Аня будет помогать ухаживать за институтским огородиком, который недавно разбили студенты с биологического факультета.

Люба боялась смотреть в зеркало. Чуть полноватая раньше хорошенькая девочка теперь будто постарела. Слабые пальцы, державшие перо, были худыми, а кожа сухой и какой-то серой. Говорили, что где-то на рынке в городе можно купить хлеб, но денег ни у девушки, ни у её подруг не было.

В мае девчата слышали, что, возможно, студенток эвакуируют, и теперь нехватка денег была особенно острой. Тогда Люба и Аня решились на отчаянный шаг: продать хлеб. Сама эта мысль пугала истощенных девушек, но это казалось единственным выходом. Говорили, что за дневную норму можно было выручить

целых сто рублей! Вместе они завернули в платок драгоценные пятьсот грамм и отправились в путь.

На рынке стояли такие же истощённые и постаревшие люди. Кто-то продавал какие-то косточки, кто-то нечто отдалённо напоминающее что-то съедобное.... Были здесь и настоящие чудеса: драгоценности, которые девушки видели раньше только в музее так же были принесены сюда теми, кто надеялся обменять их на хоть какую-то пищу. Среди людей встали и они. Люба развернула платок, воздух наполнился головокружительным запахом ленинградского хлеба, к ним потянулись со всех сторон люди.... И вдруг кто-то закричал:

— Спекулянты! Мы тут голодаем, а они хлеб продают!

Мужчина, распухший и обезумевший от голода, протянул к драгоценному кусочку свои грязные пальцы. Помощь пришла неожиданно: какая-то женщина заслонила собой девочек.

— Смотрите, – воскликнула она, – эти девочки сами исхудали, они свою норму продают! Тесните его, гоните отсюда.

Возмущённая толпа подхватила мужчину, а спасительница велела девочкам завернуть хлеб в платок и отвела их в сторону. Она спросила, почему студентки продают свой хлеб, и те рассказали, на что они надеялась.

— Жалко мне вас, девочки, – сказала женщина, – я вас не обижу, у меня дома дочь от голода умирает...

Она молча протянула кошелёк и забрала драгоценность. Незнакомка заплатила девочкам 250 рублей.

Время шло, а студенток так и не удалось эвакуировать, вновь приближалась зима, и подруги думали о ней с содроганием. Из-за одной из бомбёжек пострадало здание общежития. Это случилось во время занятий, почти никто не погиб. Они просто переехали в другое здание, теперь полупустое. Смерть стала привычной. Недавно девочки узнали, что практически все их мальчики, ушедшие на фронт, погибли ещё во время первых месяцев войны.

Открылся госпиталь, и в аудиториях стало пусто: выносили всё, что может гореть. Доктора боролись с наступавшими холодами ради раненных солдат, которые вновь отправлялись на фронт. Сидя на полу, Люба прижимала к груди чернильницу,

пытаясь согреть её собственным теплом. Но чернила всё равно застывали. Через две недели, встать с постели она уже не смогла. Слёзы катились по почерневшему лицу... Из-за недоедания у девушки начался колит, она была обречена.

— Не хочу умирать, – повторяла она, – не хочу умирать....

В госпиталь Любу не взяли, как ни уговаривали подруги врачей. Доктора не могли уже бороться с голодом, в больницы брали только с заразными заболеваниями. И глядя на умирающую подругу, Аня, студентка биофака, внезапно воскликнула:

— Это похоже на дизентерию! Скажем так в больнице!

Решившись на отчаянный шаг, девушки пешком отправились на Обводный канал, надеясь спасти Любу. Доктор была поседевшей женщиной, такой же истощённой, как и студентки.

— Вы надеялись обмануть врача, – сказала она, – мне очень жаль вас, девочки, будь моя воля, я бы вас всех в больницу положила! Но могу помочь сейчас только вашей подруге.

Со слезами на глазах Люба прощалась со своими девчатами, благодаря которым она была спасена. Два месяца девушка провела в больнице. Однажды свершилось настоящее чудо: медсестра принесла истощённой Любе свежее сырое яйцо! Ничего вкуснее в жизни она не ела!

Смерть отступила, а Люба отправилась назад в институт... Когда она вернулась, оказалось, что все её дорогие, любимые девчата погибли. Люба не плакала. Слёз больше не было. Она осталась одна.

Дни превратились в бесконечную зиму, тёмную и холодную. В институте открылся детский дом для малышек, которые, как и Люба, остались в одиночестве. И вот девушка крохотными шагами идет по укрытому ночной тишиной Невскому проспекту рука об руку с другими студентами. Они входят в подъезд с высоким потолком. Здесь так же холодно, как и на улице. Люба с трудом разминает окоченевшие пальцы, которые совсем немного греют дырявые варежки – память об одной из погибших подруг. Из рта вылетает облачко пара. Все застыли в тишине, прислушиваясь.

Наконец, Люба услышала тихий детский плач, доносившийся откуда-то с верхних этажей. Впереди был долгий подъём. Подтягиваясь на руках, Люба буквально повисла на перилах, борясь с ослабевшими ногами. С каждым днём подъём становился всё тяжелее. Ступенька за ступенькой, студенты преодолевали лестничные пролёты. В квартире, откуда доносился плач, дверь не была заперта.

В холодной комнате прямо на полу лежала женщина, чёрная и сухая, совсем недавно жизнь ещё теплилась в её измученном теле, но не теперь. Рядом с ней, плача и прижимаясь к мёртвой матери, лежал закутанный ребёнок, худой, но живой. В соседней комнате, к общей радости, нашлись санки... Уже выходя из квартиры, Люба заметила фотографию, висевшую на стене в прихожей: красивая молодая женщина держала на руках младенца. За её спиной стоял мужчина. Они так счастливо улыбались, что внутри что-то горько защемило...

Вниз спускаться уже сил не было, и студенты скатывались по ступеням на санках. Сегодня в детском доме станет ещё на одного сироту больше...

Люба с трудом передвигала окоченевшие ноги, с тоской вспоминая горячий мучной суп, который днём всего пятнадцать минут так чудесно грел всё внутри. Сил почти не было.

Ложась одетой в кровать, Люба внезапно подумала, что было бы так здорово укрыться с головой, а встать, когда всё это закончится! Но завтра она заставит ослабшее тело двигаться, и пойдёт утром на лекции, чтобы учиться так прилежно, как никогда не училась в мирное время, ради тех, кто борется с врагом, ради тех, кто помог ей, ради тех, кого уже нет.

И не было страха. Была только надежда. Надежда на то, что уже завтра разорвётся блокадное кольцо, кончится война, забудется голод и холод бесконечно страшной зимы. Она надеялась, что завтра будет мир без войны, без бесконечного мучительного ожидания чуда. И когда настанет это долгожданное невыразимо прекрасное завтра, не будет больше голода и смерти. Завтра будет жизнь.

**О моём отце, Залмане Ароновиче Атласе (1918 - 1999),
выпускнике Герценовского института 1941 года**

То, что наш отец – фронтовик, как и многие его друзья и коллеги по Курганскому государственному пединституту, мы со старшим братом знали с детства. Все, что было связано с Великой Отечественной войной, свято чтилось в нашей семье, и День Победы, наряду с днём рождения папы, отмечался как самый главный праздник. Фронтовиков тогда часто приглашали на встречи, где они делились своими военными воспоминаниями, но папа не любил рассказывать о войне, даже избегал этого, и мы в какой-то момент перестали допытываться, поняв, что ему тяжело возвращаться к событиям того времени. 4 года и 8 месяцев его жизнь была связана со службой в рядах Красной Армии и боевыми действиями; на войне он потерял самых близких людей. Как пишет один из учеников, а впоследствии коллег отца, "нам, студентам, было безразлично, что Залман Аронович Атлас – участник Великой Отечественной войны. Он никогда не бравировал этим, но на юбилеи и праздники надевал ордена". Сегодня лишь короткие строки автобиографии отца, его письма с фронта, письма однополчан его

сёстрам, воспоминания студентов и коллег, а также архивные документы и работы современных исследователей позволяют восстановить события его жизни в годы войны.

22 июня 1941 года, в день, когда началась война, мой отец, выпускник исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, сдавал предпоследний государственный экзамен. На следующий день он досрочно, как и многие другие студенты, сдал последний выпускной экзамен, а вслед за выпускным вечером 26 июня был направлен комсомольской организацией пединститута на оборонные работы по укреплению советско-финской границы на Карельском перешейке. Ещё через два дня, 28 июня, выпускникам исторического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена вручили дипломы.

14 июля 1941 года, после завершения оборонных работ, З.А. Атлас был мобилизован в ряды Советской Армии и направлен на учебу в качестве курсанта во вновь сформированное Военное радиолокационное училище воздушного наблюдения, оповещения и связи Красной Армии, которое было спешно эвакуировано в тыловой башкирский город Бирск. Как пишет современный автор, "от будущих офицеров этого специфического училища требовался особенно острый слух – умение на большом расстоянии определять по звуку количество летящих самолётов, их типы, направление и высоту полёта. Поэтому набирали в училище студентов ленинградских музыкальных школ и консерваторий". У отца был прекрасный музыкальный слух, отточенный на прослушивании семейной коллекции записей и посещениях в студенческие годы концертов в Ленинградской филармонии. После окончания училища в ноябре 1941 г. он был направлен на Северо-Западный фронт в должности техника радиолокационной установки; с марта 1942 г. являлся командиром взвода связи 76-го Запасного артиллерийского полка, затем находился в резерве командного состава артиллерии Красной Армии г. Москвы. С марта 1943 г. до конца войны являлся начальником радиостанции 126-й Отдельной армейской роты воздушного наблюдения, оповещения и связи 70-й армии Центрального фронта, а затем 1-го Белорусского и 2-го Белорусского фронтов.

В годы войны участвовал в Орловско-Курской битве, в боях за освобождение Украины, Белоруссии и Польши, в овладении крепостью Торунь, городами Гданьск, Гдыня, Росток и многими другими, в форсировании Одера, в боях за взятие Берлина и соединении с союзными английскими войсками на линии Висмар-Виттенберге.

В письме, написанном в ноябре 1944 г. командиром войсковой части, где служил З.А. Атлас, и адресованном его сестре в связи с получением боевой награды, капитан С.Г. Холявко пишет, что "Залман Атлас является одним из лучших офицеров нашей части. Проявил храбрость, мужество и отвагу", и благодарит "за воспитание доблестного воина". В фронтовом приказе (май 1945) о награждении З.А. Атласа правительственной наградой читаем, что за период с 15 марта по 15 апреля им было передано 145 донесений на Главный пост войск воздушного наблюдения, оповещения и связи Фронта. "Только за 22 марта было своевременно передано 16 донесений о групповых самолётах противника. В результате чего были предприняты меры борьбы с вражеской авиацией, которая пыталась задержать наши войска, стремившиеся выйти к морю южнее г. Гдыни". Устанавливая связь с Фронтом, взвод отца шёл впереди разведки.

9/V 45.
С победой, дорогие!
Сегодня у нас всех доблестней
праздник - фашистская Германия
никогда не раздвинется. Поздравляю
вас с победой, душой это
сгора вырвется. День,
которого не ждали около 4х
лет назад. Ну, писала много
не буду. Сегодня уже с утра
отмечаем этот праздник.
Разведка у нас война окончилась
нам же на несколько дней
раньше. Находимся за
Одессой. Будем по Одессе
в Берлине, но оказали
севернее его
но этом полном
некого всем спасибо,
спасибо.
Целую всех крепко.
Ваш
Залман

В войну, когда З.А. Атласу было всего 22 года, он потерял отца и мать, бабушку и всю семью дяди. Последнее письмо от родных датировано августом 1941, и долгие два с половиной года отец и две его сестры не имели никаких известий о судьбе родных, на начало войны оставшихся в Речице, небольшом белорусском городе на Днепре. После Гомельско-Речицкой наступательной операции войск Белорусского фронта под командованием маршала К.К. Рокоссовского в ноябре 1943 года, проходившей через родной городок отца, в горисполкоме отец получил известие, что его родители "в данное время в г. Речице не проживают". "Страшная весть, – пишет он в письме с фронта от 18 января 1944 г. своим сёстрам, которые находились в это время в Казани, в эвакуации, – но её нужно перенести мужественно". Все они до этого момента надеялись, что их родные спаслись, сумели эвакуироваться. Но к тому времени родных не было в живых уже более двух лет. Отца, Арона Атласа, запрягли в телегу и заставляли возить воду, а потом расстреляли. "Его супругу, Фаню Атлас, они привязали за волосы к запряжённой телеге и таким образом волочили по улице, а затем убили", – пишет о судьбе родителей отца в своей книге по истории Речицы современный исследователь. Надо ли говорить, почему папа и его сестры, щадя нас, избегали расспросов о войне!

Конечно, война не могла не сказаться на характере отца, его отношении к жизни, к людям, к работе. "Он был из фронтового поколения, и это уже о многом говорит. Война повлияла на его отношение к жизни, сформировала его характер, нравственный облик. Безусловно, война была камертоном в его жизни. Он не мог себе и в мирной жизни позволить «снижать планку». На всю жизнь Залман Аронович сохранил чувство фронтового товарищества. Он знал институтских фронтовиков, радовался встречам с ними, горевал, когда некоторые из них стали уходить из жизни, провожал в последний путь. Он дорожил дружбой с фронтовиками своей студенческой группы: Юрой Фруменковым, Сашей Коржевским, Женей Сигаевым, Ваней Бауло и другими. Живя в разных городах, некоторые из них приезжали в Курган, встречались в Ленинграде и непременно заходили в Герценовский институт, радовались успехам друг друга, помогали в беде. В последние годы с большой сердечной болью слушал песни о войне: "Враги сожгли родную хату", "Дороги", "Серёжку с Малой Бронной", гамзатовских "Журавлей"... Слова этих песен перекликались с его жизнью", – вспоминает моя мама. Как и она, вспоминаю, как в один из приездов к родителям, когда мы вместе смотрели "Обыкновенный фашизм" Михаила Ромма и "Судьбу человека" Сергея Бондарчука, наш

отец, в общем-то, не привыкший показывать свои чувства прилюдно, не мог сдерживать слёз.

Он славно воевал на фронте и славно работал в мирное время. Стоял у истоков создания Курганского пединститута и проработал там 47 лет, из них почти 20 лет был деканом историко-филологического и исторического факультетов, 14 лет заведовал кафедрой всеобщей истории. Отец всегда и во всём ощущал себя старшим и, безусловно, состоялся как личность. Но это уже другая, еще одна мощная страница его жизни – о бесконечной ответственности за других и преданности делу, высочайшей порядочности и принципиальности, его человеческом достоинстве.

Я вспоминаю его молодцеватую выправку, замечательную улыбку, добрый юмор, беззаветную заботу о родных и теплоту наших бесед и всё, всё, всё: он для меня был и остаётся очень близким человеком.

Память о моем прадеде, Иване Петровиче Тараканове

Наше поколение знает Великую Отечественную войну как историческое событие. Мы помним цифры, имена, факты, но редко задаемся вопросом кто эти люди, герои Великой Отечественной войны. Кем были их соратники. А главное, чем были движимы те, кто так самоотверженно, подчиняясь не только приказам, но и собственным чувством долга, шли, как говорят, на войну.

Мой прадед, Тараканов Иван Петрович, родился 15 июня 1926 года в деревне Косиково Вологодской области Грязовецкого района. К сожалению, я не могу похвастаться тем, что знала его лично, но моей маме довелось знать этого человека.

В 1941 году, когда началась война, моему прадеду было 14 лет, но, несмотря на рвение стать солдатом, свойственное мальчишкам тех времен, его, конечно, не могли призвать. Со своими друзьями он всячески пытался попасть на фронт. С 1941 по 1943 год они обивали порог военкома в надежде, что их возьмут, а тем временем помогали разносить повестки, документацию и разного рода послания и письма, так или иначе имеющие отношение к войне. И, как он рассказывал, это была далеко не игра мальчишек, так как взрослыми они стали сразу после того, как в начале войны был полностью разбит под Бакланкой эшелон ребят – призывников и мужчин из их

района, отправленных на оборону Москвы. Грязовецкий район – это небольшие деревеньки, и почти каждый друг друга знает там до сих пор, поэтому это была огромная потеря мужей, сыновей и отцов для всего района.

В 1944 году мой прадед Иван Петрович был призван на воинскую службу и отправлен на границу с Японией. Весной 1945, когда вся наша страна праздновала день Великой победы над фашистской Германией, Иван Петрович и его однополчане стояли в преддверии заключительного этапа Войны, о котором нечасто вспоминают.

В странах Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке война продолжалась. После капитуляции фашистской Германии Японское правительство отвергло требование (от 26 июля 1945 года, Постдам) союзных держав о капитуляции фашистских войск. Япония была главным союзником фашистской Германии и постоянно держала на советской границе так называемую Квантунскую армию. Вот там, на реке Халкин-Гол, и довелось служить Ивану Петровичу, моему прадеду. По данным, на обороне границы СССР держала свыше 1млн. солдат и офицеров, более 16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков, до 4 тыс. боевых самолетов и около 100 боевых кораблей.

8 августа Советское правительство заявило правительству Японии о вступлении СССР в войну. Япония оказалась единственной державой, которая выступала за продолжение войны. В состав вошли не только люди дружественных республик, но и части Народно-революционной армии Монгольской республики. Дальневосточные военные операции осуществлялись под командованием таких великих людей, как маршалы Р.Я. Малиновский и К.А. Мерецков, генерал М.А. Пуркаев, адмиралы И.С. Юмашев и Н.В. Антонов и многих других. Разгром Советскими Вооруженными силами Квантунской армии привел к поражению Японии. 2 сентября 1945 года Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Победа Советского союза дала мощный импульс для подъема революционного и национально-освободительного движения народов Востока и Юго-Восточной Азии.

Мой прадед не был героем страны, но проведя в боях на Дальнем востоке два года, участвуя в боях по обороне границы, вернулся домой в Вологодскую область и через месяц был призван на обязательную службу в Советскую армию по возрастному обязательству, как и многие, кто вернулся живым. Но звание сержанта ему позволило уже делиться военным опытом с молодыми ребятами, хотя самому ему не было еще и 22 лет.

Как мама рассказывала, он до старости оставался очень веселым и позитивным человеком, несмотря на пережитое в юные годы, и никогда не хвастался своими орденами, которые остались нам на память как наследие для будущих поколений. Я очень горжусь наследием и воспоминаниями, которые оставил мой прадед, Иван Петрович. Может быть, он не самый выдающийся человек в истории, но для нашей семьи он герой, ведь даже после событий войны он успел поучаствовать в поднятии целины, в строительстве Байкало-Амурской магистрали и вырастить троих детей.

Валерия Наумовна Карловская,
доцент

О моём отце, Науме Львовиче Шадрине

Шадрин Наум Львович (1925 года рождения) – доктор филологических наук, профессор.

В 1941 году жил в городе Ленинграде и вместе с другими жителями города переносил все тяготы блокадной жизни. В возрасте 17 лет был мобилизован и с января по июль 1943 года обучался в военном училище. После обучения попал на фронт и с июля 1943 года участвовал в боях на Южной Украине в качестве пулемётчика. В сентябре 1943 года получил первое ранение на реке Днепр.

После лечения в госпитале снова был отправлен на фронт. С февраля 1944 года – стрелок-автоматчик. 4 апреля 1944 года получил второе ранение в бою под станцией Раздельная, Одесская область. С октября 1944 по май 1945 года участвовал в боях за освобождение Европы от захватчиков. Сражался в боях за Будапешт и Вену.

Шарапова Александра,
магистратура, 2-ой курс

Воспоминания моей бабушки о войне

Моя бабушка, Луферова Ирина Васильевна, родилась в 1933 году. Сейчас она уже совсем старая, и память ее часто подводит, но, несмотря на то, что в годы войны она была еще совсем ребенком, многие воспоминания того времени остались с ней до сих пор.

Когда началась война, бабушка как раз пошла в первый класс. Её семья тогда жила под г. Рыбинском Ярославской области. Зима 1941 года была особенно холодной. Бабушка вспоминает: «В школу идти было далеко, километра два, через поле, в темноте. Дороги не было, канавы все снегом засыпаны – проваливалась по пояс. Приходила в школу вся мокрая, замерзшая. Там меня сажали на печку, а как пообсохну немного – домой отправляли. Домой приду – снова вся промокшая. И так каждый день». Уже много лет бабушка страдает тяжелейшим заболеванием – ревматоидным полиартритом. Каждое движение причиняет ей ужасную боль. Больно ходить, больно двигать руками. И вполне вероятно, что причиной этого заболевания послужило как раз то, что всю войну, в зимнее время, пробираясь через снег, бабушка пешком ходила в школу.

В годы войны прифронтной город Рыбинск часто обстреливали, ведь там находились авиамоторный завод и гидроэлектростанция, хоть и недостроенная, но всё же дававшая ток. Бабушка рассказывает: «Как-то раз начался обстрел, и нас отпустили из школы. Возле школы было убежище, но там водой всё затопило, зайдешь – сразу ноги промочишь, да еще темно и лягушки квакают... Я бегу домой. А истребитель низко-низко летит, прямо надо мной. Я даже пилота вижу, очки у него такие большие. И стреляет... Женщина какая-то мне кричит: «Ложись, ложись!», а я бегу, не могу остановиться».

Отец бабушки, Луферов Василий Григорьевич, на фронте заболел тифом, и его после госпиталя привезли домой долечиваться. Бабушка вспоминает: «Возвращаюсь домой, а соседки мне говорят: «Беги-беги, скорей, папу твоего привезли!» Прихожу, а он лежит на кровати, весь одеялом укрытый, а я стою в дверях, боюсь подойти ближе, вдруг он без ног, многие ведь тогда без рук и без ног с фронта возвращались».

Радио в бабушкиной семье в войну не было, поэтому новости, даже самые важные, узнавали с опозданием. 9 мая 1945 года бабушка, как обычно, шла в школу: «Иду, а женщина мне навстречу, говорит: «Беги домой! Война кончилась!» А я не верю, дальше иду. Встречаю еще одну женщину: «Куда же ты? Домой возвращайся! Праздник же, война кончилась!» А я всё иду, не верю, как это может быть, чтобы война кончилась?»

Война кончилась, но жизнь еще не скоро наладилась. Многие фронтовики возвращались домой и находили вместо домов лишь развалины. После войны бабушкиного отца отправили в Великие Луки помогать восстанавливать город. Бабушка рассказывает: «Никогда не забуду: иду по городу – пусто, одни развалины кругом, и только слышен из-под земли шёпот, отовсюду шёпот слышится. В землянках, в воронках – везде люди живут, домов-то не осталось».

Часть бабушкиного детства пришлось на годы войны – голодные, страшные годы, время, когда не знаешь, чем обернется завтрашний день, кого еще из родных придется похоронить. На протяжении всей войны бабушке снился один-единственный сон, который она помнит до сих пор: «Мне снилось, что я лечу по небу и уношу свою маму на спине, далеко-далеко, туда, где не стреляют и не убивают».

Война не сломила мою бабушку, не помешала ей вырасти доброй, порядочной, самоотверженной женщиной, которую я очень люблю и которой горжусь.

Моя бабушка в годы войны

Каждое лето мою бабушку Инну, а также ее двоюродных сестер и братьев родители отправляли на лето в Белоруссию, в деревню в Витебской области. К сожалению, название этого места не сохранилось, как и самой деревни. Она была почти полностью уничтожена немецкой армией уже в самом начале войны.

Моя бабушка с родителями жила в Ленинграде. Ее отец, Николай Романович Лекомцев, был военным человеком, Мама, Евдокия Тимофеевна, не работала – занималась воспитанием дочери. В 1940 году в семье появилась еще одна дочь, Людмила, младше Инны на 12 лет. Многие мои родственники любили приезжать в Белоруссию летом. Та деревня была очень живописным местом, расположенным на берегу большого тихого озера. Она находилась в часе езды от ближайшего крупного города – Полоцка. Обычно дети приезжали туда в начале июня и оставались у бабушки до конца августа. Но летом 1941 года Инна, из-за внезапной простуды, отправилась в Хоритоново лишь в середине июня. Ее родители остались в Ленинграде с маленькой Люсей.

22 июня с самого утра все взрослые были чем-то сильно обеспокоены. Даже ее бабушка, всегда добрая, выглядела расстроенной и напряженной. Инна как обычно вышла гулять на улицу во двор и спросила у бабушки, почему наступил переполох. Бабушка ответила, что началась война. Инна, совершенно не понимая, что это, развеселилась: она вдруг подумала, что война - это, должно быть, очень интересная игра. Энергично прыгая через скакалку, девочка с задором стала кричать: «Война! Война! Ура! Война!!!». Внезапно бабушка строго сказала ей замолчать, пригрозив ее выпороть. Ничего не понимая, Инна остановилась. В тот момент где-то глубоко в сердце возникло чувство ноющей тревоги и страха.

Через несколько дней в деревню пришли немцы. Многие жители, напуганные тем, что их сожгут заживо, как это случилось с жителями некоторых соседних деревень, бежали в лес. Инна, ее двоюродные сестры и бабушка оставались в доме.

Инна была самая старшая из всех детей. Ей было 13 лет. Она рассказывала мне, как она и ее подруга из соседнего дома выбегали на улицу тайком от взрослых и видели, как фашисты расстреливали жителей деревни. Многие дома в их деревне были сожжены. Во время оккупации моей бабушке и другим людям, которые были здоровы и более или менее физически крепки, приходилось уходить в лес и в другие уцелевшие деревни в поисках пищи для остальных, в основном, для детей и стариков. За время этих походов ей и многим другим ребятам пришлось пережить много страшных моментов.

Однажды моя бабушка с мальчиком, который был помладше нее, отправились в лес, чтобы найти ягоды и грибы. Шли они очень осторожно, боясь натолкнуться на немецких солдат. Они могли быть где угодно в то время. Инна шла впереди. Местность в той части леса была очень болотистая. Зайдя уже довольно далеко в чащу леса, ребята осмотрелись. Стояла глубокая тишина, погода была еще теплая, но уже чувствовалось присутствие осени. Лес был таким спокойным и тихим, что казалась, что никакой войны вовсе нет. Впереди виднелось болото. Ребятам нужно было продолжать путь, и они решили перейти его по кочкам. Они оба хорошо знали этот лес. Осторожно прыгая друг за другом, они уже почти преодолели болото. Внезапно кочка, на которую наступила Инна ушла вниз, в зыбкую мутную лужу. Девочка оказалась по пояс в болоте. Но она не придавала этому значения. Ребята уставились на дерево впереди, в котором застряла пуля. В момент падения прямо над ухом что-то просвистело. Это была пуля немецкого снайпера, который прятался на дереве позади детей. Бабушка рассказывала, что тогда они с мальчиком быстро выскочили из болота и побежали прочь оттуда. Слезы градом посыпались из глаз.

Это был не единственный случай столкновения с фашистом в лесу. Годом позже бабушка одна шла по лесу. Собрав кое-какую пищу, она возвращалась домой, в деревню, и дошла до края леса – ей нужно было преодолеть небольшое поле. Осмотревшись, она побежала. Уже на середине поля, она увидела в небе немецкий самолет и сразу поняла, что ее заметили. Самолет начал снижаться, стреляя по девочке. Инна упала на землю и не шевелилась. Самолет снизился так, что она смогла разглядеть лицо пилота. Он кружил над Инной и стрелял, не давая ей закончить свой путь. Через некоторое время самолет улетел, а она еще долго лежала

на земле и не могла пошевелиться. Уже потом она поняла, что он просто издевался над ней, хотел напугать.

С 1941 по 1943 года моя бабушка провела в Белоруссии. Добывая еду, он, помимо встреч с немцами, прошла через многие испытания. Зимой из-за отсутствия зимней одежды она обморозила ноги. Впоследствии врачи хотели ампутировать несколько пальцев, но этого удалось избежать. Были истории, когда она, не успев вернуться домой до темноты, ночевала прямо в лесу. Боясь волков, Инна забиралась на дерево, привязывала себя за руку к ветке, чтобы не упасть во сне, и дремала.

Затем в 1943 году Инна упросила военных взять ее на работу в воинскую часть. Она была готова мыть, стирать форму солдат. Она знала, что таким образом она сможет хоть как-то регулярно питаться и раздобыть теплые вещи для себя и своих родных в деревне.

В Ленинград она вернулась только в самом конце войны. С 1941 года Инна ничего не знала о судьбе своих родителей и маленькой сестры. Почтовые связи были оборваны. А вернуться раньше она не могла. Ее отец с самого начала войны ушел на фронт и вернулся домой только в 1945. Мама и Люся оставались в Ленинграде, борясь за жизнь во время блокады города. Двоюродные сестры и бабушка смогли пережить войну. Все члены семьи смогли встретиться только после войны.

Моя бабушка, Инесса Николаевна Лекомцева, всегда очень любила природу, лес, Белоруссию. Каждый год вплоть до самого последнего лета в ее жизни она отправлялась в деревню Хоритоново, что рядом с той деревней, где она пережила самые страшные дни и годы войны. Умерла она в 2006 году, в своем летнем доме в Хоритоново, где и была похоронена рядом с могилой ее бабушки.

Она рассказывала мне, что до войны лес вокруг озера был довольно редкий. С первых же дней оккупации там стали появляться братские могилы. Сейчас уже сложно сказать, где именно хоронили расстрелянных людей. Никаких обозначений не сохранилось: лес стал очень густым и почти не проходимым.

Я часто вспоминаю ее и жалею, что не узнала больше о ее жизни, о войне. Я люблю приезжать в Белоруссию на то большое озеро, гулять в том лесу – там, где раньше была деревня и где 70 лет назад искала укрытия и пищи моя бабушка.

Война, которая разлучает людей

Я бы хотела рассказать про своего отчима, Зарецкого Евгения Хаимовича.

Жила-была обычная ленинградская семья – мама, папа, дочка и три сына. Но в их жизнь, как и в жизнь миллионов других семей, ворвалась Война. Отец ушел на войну, мать с детьми остались в Ленинграде. Во время блокады, тяжелейшего и наиболее трагичного времени для нашего города, мама заболела тифом. Аня, единственная дочь и старшая из детей, оставалась с матерью в больнице. Надежды на выздоровление почти не было. Мальчишек отправили в детские дома, Федю и Борю в один детский дом, а Женю, самого младшего, в другой.

К счастью, мать выздоровела. Вместе с дочерью они нашли Федю и Борю, так как они были не совсем маленькие – были способны рассказать о себе, кто они и откуда. Женю долго не могли найти. Как-то дядя детей, брат их отца и, на тот момент, сотрудник горкома, по делам поехал в один из детских домов Ленинградской области. Там ему, как бы между прочим, сказали, что у них тоже есть Зарецкий. Он заинтересовался. Какого же было его удивление, когда его однофамильцем оказался рыжий непоседливый мальчик Женя, тезка его сына и его племянник.

Отец с войны не вернулся, пропал без вести. Но мать была с детьми, что немаловажно. Прожила еще долго, умерла от старости в конце семидесятых годов.

У этой истории отчасти счастливый конец. Сколько матерей так и не нашли своих детей, никогда невозможно будет посчитать, как и по достоинству оценить пережитые страдания миллионов людей.

О войне и её последствиях

Моя бабушка не помнит своих родителей, знает их только по фотографиям. Она выросла в одном из детдомов Смоленской области, и, если верить документам, была рождена двадцатого марта 1940-го года в селе Креоново Издешковского района Смоленской области. Впрочем, из всего перечисленного верен только год, так как села такого нет, никогда не было, да и с числом вышла типичная для военного времени ошибка.

Селезнёв Иван Лаврентьевич, младший лейтенант артиллерийских войск Ленинградского военного округа и по совместительству будущий отец моей бабушки, был родом из Орловской области и уже в молодые годы дослужился до офицерского звания и имел служебную квартиру на улице Короленко в центральном районе Ленинграда.

Пелагея, младшая из четырёх сестёр и единственная из них незамужняя, из родной Смоленской области то ли по собственной воле, то ли по указанию семьи, оставила родное поселение и переехала в Город на Неве, где и встретила Ивана Лаврентьевича.

В роддоме на улице Фурштатская, который работает и по сей день, в январе 1940 года на свет появилась Нина Ивановна Селезнёва. Спустя неполных четыре месяца её отец, Иван Лаврентьевич, был отправлен в город Ханко, в самую южную точку Финляндии, где ему было указано участвовать в военных действиях. Будучи осведомлённым о продвижении врага, Иван Лаврентьевич предупредил Пелагею о грядущей опасности, и вместе с дочкой она вернулась в Смоленскую область в надежде о спасении.

Ивану Лаврентьевичу удалось выбраться живым с военно-морской базы Ханко, но только для того, чтобы вернуться в Блокадный Ленинград. В начале 1943го года Советскими войсками были предприняты первые ощутимые попытки

прорыва немецкого "кольца", и одним из патронов, отскочивших от брони фашистской машины смерти, но ослабивших её для следующих атак, послужила жизнь Ивана Лаврентьевича.

Густые туманы Смоленщины укрыли мою бабушку, но не смогли защитить её мать, Пелагею. Говорят, однажды она заболела, её увезли, и с тех пор она не возвращалась. Куда увезли, добровольно ли, доехала ли, да и уезжала ли – теперь никто не знает.

После детдома Нина Ивановна получила специальность и по распределению попала в суровый северный город Норильск, ставшей родиной сначала для моей мамы, а потом и для меня.

Оставшиеся военные архивы в Подмоскowie, Санкт-Петербурге, электронные форумы позволили ухватить изношенную временем нить и найти некоторые крупницы событий. В 70 лет моя бабушка узнала, где её настоящая родина, впервые увидела родильный дом, в котором она появилась на свет, здание на Короленко, где она была зарегистрирована при рождении. Мы были вместе с ней на братской могиле в посёлке Красный Бор в 30и минутах от Санкт-Петербурга, где нашёл вечный покой её отец и мой прадед, Иван Лаврентьевич. Никто не сможет описать, что происходило в душе Нины Ивановны, когда ей приоткрылась дверь в настоящее прошлое, так долго скрывавшееся в дымке войны, запах которой она слышала и слышит всю свою жизнь, на этих памятных, но неизвестных прежде местах.

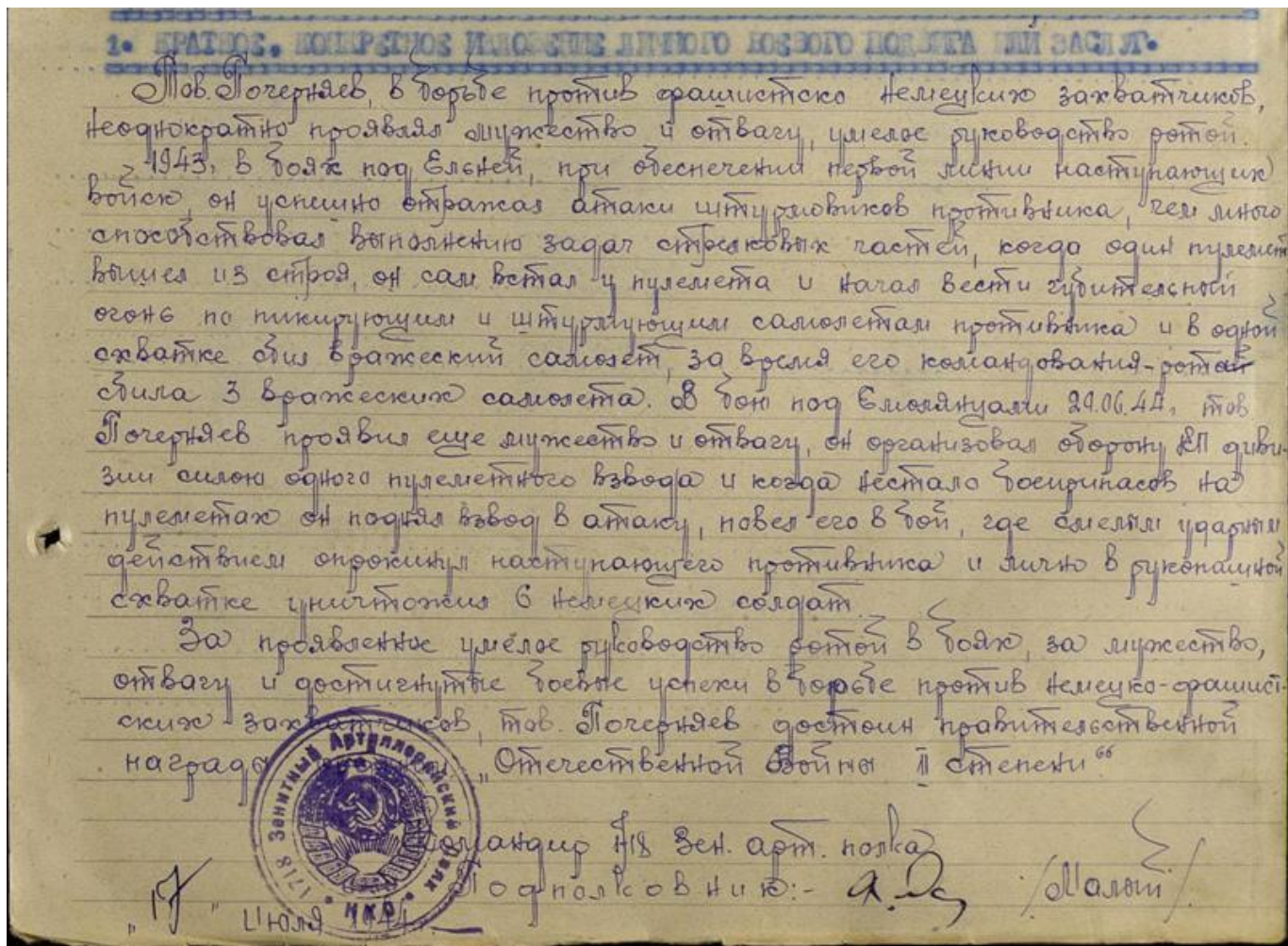
Единственное, чего ни она, ни мы не смогли принять – это действительная дата рождения, и по старой традиции, с лёгкой руки какой-то канцелярской работницы, в суматохе вписавшей этот день в сопроводительный документ десятилетия назад, мы продолжаем праздновать бабушкины именины двадцатого марта, умышленно забыв о том, сколь жестока и зыбка бывает судьба.

Мои родные на фронте

Я так никогда и не познакомилась со своими дедами. То ли я слишком поздно родилась, то ли они слишком рано ушли из жизни. Но, не смотря на то, что я их не застала при жизни, я их очень люблю и ими горжусь. А гордиться и правда есть чем!

Мой дедушка, старший лейтенант Почерняев Алексей Иванович 1923 года рождения, воевал на фронте с октября 1941 года. Ему было всего 17 лет, когда он изъявил своё желание защищать родину. За время войны он получил множество правительственных наград, среди которых есть орден Великой Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, медаль «За участие в боевых действиях против Японских империалистов», медаль «За взятие Кёнигсберга» и многие другие награды. Он был командиром пулемётной роты зенитно-артиллерийского полка и совершил множество подвигов, некоторые из них описаны в наградных листах. Когда я читаю эти старые документы, чувствую что прикасаюсь к истории, как будто разговариваю с дедушкой, и он мне рассказывает эти истории сам.

Мама мне рассказывала, что когда война закончилась, военных посадили в поезда и сказали, что везут на парад в Москву, но вместо этого повезли на восток к границе с Японией, где велись боевые действия. Там-то дедушка и повстречал бабушку. Мама мне так же рассказывала, что дедушка был неоднократно ранен на войне. К сожалению это всё что мама помнит из рассказов её родителей.

Второй мой дед, Опарин Василий Андреевич 1914 года рождения, был старшим сержантом. Он служил во 2 Гв. Воздушно-военного десанта. Он ушёл на фронт в 1941 году, так и не увидев своего сына, который родился 13 декабря 1941 года. Дедушка погиб на фронте и был похоронен в братской могиле в деревне Вязки в Ленинградской области двумя годами позже. У нас нет почти никакой информации о нём. К сожалению, не сохранились ни письма, ни награды. Бабушка умерла, когда мне было 10 лет; тогда я ещё не осознавала, как важно знать о подвигах наших дедов и поэтому никогда с бабушкой об этом не разговаривала, а теперь просто нет у кого спросить.

Никогда не нужно забывать наших героев. Память нужно передавать из поколения в поколение. Я и дальше буду искать малейшие сведения о своих дедах, а когда мои дети будут достаточно взрослыми, я им передам эту вечную память и гордость.

Валерия Заравняева,

4-ый курс

Мои родные в годы войны

*... Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мир подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...*

Н. Некрасов

Война. Само это слово ассоциируется с чем-то жутким, страшным, уничтожающим. К сожалению, война принесла беду в каждый дом, в каждую семью, затронула судьбы стольких семей! Сотни, тысячи людей испытали безумные страдания и мучения, но всё-таки выстояли и победили в самой тяжёлой войне. Прошло уже 70 лет, сменились поколения, и нам остаётся только помнить. Помнить о том, какой ценой была достигнута Великая победа, какой ценой был сохранён мир на нашей земле. Нашему поколению стоит гордиться военным и трудовым подвигом нашего народа, уважать ветеранов, почитать уже ушедших от нас героев Великой Отечественной войны и бережно хранить то, что завоёвано ими.

В моей семье война затронула все поколения моих прадедушек, прабабушек и дедушек. Мой прадедушка по маминой линии Латонин Георгий Иванович 1914 года рождения жил и работал в колхозе в Псковской области. Летом 1941 года был призван к Красную армию. Служил в разведроте на Ленинградском фронте.

Во время выполнения задания в 1942 году получил ранение в голову, но чудом выжил. Около года он пролежал в госпиталях. То задание его группа выполнила, и Указ о награждении моего прадедушки орденом Красной звезды был опубликован в газете "Правда".

П Р И К А З ВОЙСКАМ ЛЕНИНГРАДСКО Действующая армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР
за образцовое выполнение боевых заданий Командования
на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявлен-
ные при этом доблесть и мужество награждаю:

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

1. Капитана Иосифова Лео Яковлевича.
2. Младшего лейтенанта Константа Алексея Игоревича.
3. Подполковника Матвеевича Владимира Ивановича.
4. Капитана Кривоногова Петра Ивановича.
5. Старшего лейтенанта Михаила Николаевича Павловича.

ОРАДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

1. Старшего лейтенанта Алексея Николаевича Петровича.
2. Старшего сержанта Анатолия Алексея Ивановича.
3. Красноармейца Бобкова Фёдора.
4. Младшего сержанта Василия Павловича Паскина.
5. Сержанта Петровича Николая Ивановича.
6. Старшего лейтенанта Виктора Федора Михайловича.
7. Красноармейца Виктора Константина Ивановича.
8. Лейтенанта Демидова Николая Михайловича.
9. Лейтенанта Игоря Александра Васильевича.
10. Сержанта Игнатьева Федосия Ивановича.
11. Сержанта Николая Александра Карловича.
12. Лейтенанта Нечко Николая Николаевича.
13. Лейтенанта Викторовича Ивана Ивановича.
14. Лейтенанта Викторовича Анатолия Васильевича.
15. Старшину Коротких Леонида Николаевича.
16. Лейтенанта Николаева Ивана Ивановича.
17. Красноармейца Кузнецова Георгия Александровича.
18. Военного врача Кузнецову Елену Степановну.
19. Заместителя инструктора Кудряшова Ивана Николаевича.
20. Сержанта Кудряшова Александра Ивановича.
21. Сержанта Кудряшова Александра Трифоновича.
22. Красноармейца Литвина Георгий Ивановича.
23. Заместителя инструктора Маршаловича Варфоломея Кузьмича.

13. Старшего сержанта Григорьяна Евгения Александровича.
14. Старшину Доронина Сергея Ивановича.
15. Красноармейца Егорова Василия Ивановича.
16. Красноармейца Ефимовича Зугадула Шадриловича.
17. Красноармейца Журавлева Василия Захаровича.
18. Красноармейца Зайнгалбинова Рашида Забуровича.
19. Ефрейтора Зайнова Петра Яковлевича.
20. Старшего сержанта Эммануила Павловича Карловича.
21. Красноармейца Павлова Александра Дмитриевича.
22. Сержанта Парфенова Ивана Федоровича.
23. Красноармейца Николая Александра Васильевича.
24. Младшего сержанта Виктора Петра Карловича.
25. Лейтенанта Ефимов Федора Павловича.
26. Старшего сержанта Николая Василия Васильевича.
27. Красноармейца Николая Михайловича Михайловича.
28. Младшего командира Поповича Николая Михайловича.
29. Красноармейца Морозова Петра Ивановича.
30. Ефрейтора Неретчинского Ивана Васильевича.
31. Красноармейца Нурова Николая Васильевича.
32. Лейтенанта Кузьмича Василия Назаровича.
33. Младшего командира Лесина Вячеслава Григорьевича.
34. Красноармейца Маннича Николая Григорьевича.
35. Красноармейца Марченко Ивана Васильевича.
36. Сержанта Матвеева Георгия Владимировича.
37. Лейтенанта Меркурьева Николая Тихоновича.
38. Младшего сержанта Маннича Николая Федоровича.
39. Младшего лейтенанта Николая Андрея Федоровича.
40. Красноармейца Меркурьева-Усачева Николая Дмитриевича.
41. Красноармейца Мельничкина Сергея Петровича.
42. Старшего сержанта Мещинского Семёна Павловича.
43. Старшего сержанта Овчинникова Ивана Ивановича.
44. Красноармейца Осипова Александра Яковлевича.
45. Старшего сержанта Парфенова Ивана Михайловича.

После ранения Георгий Иванович стал инвалидом войны I группы: у него была парализована вся левая сторона тела. Вернувшись в родной колхоз, он был избран председателем.

В 1951 году, вместе с моей прабабушкой и тремя детьми переехали в Ленинград, где жили и работали. Мой прадедушка скончался в 1987 году, был похоронен на Южном кладбище.

Другой мой прадедушка (мамин дедушка) Бушунов Владимир Дмитриевич, 1925 года рождения, жил в Петербурге на Лиговском проспекте. В 1941 году 16-летним подростком, скрыв свой настоящий возраст, прибавил себе 2 года для того, чтобы уйти на фронт. Он прошёл всю войну от начала и до конца. Служил в морской пехоте. 3 раза был ранен, 2 раза контужен. В 1945 году закончил войну в норвежском Киркинессе. Владимир Дмитриевич вернулся инвалидом, но до конца жизни работал, любил жизнь и свою семью. Его я прекрасно помню, уважаю и очень люблю. Умер мой прадедушка в 2009 году, похоронен также на Южном кладбище в Петербурге.

Папин дедушка и мой прадедушка Заравняев Анатолий Александрович 1910 года рождения до войны жил в Ленинграде на углу Лиговского проспекта и Обводного канала. Был строителем. У них с прабабушкой было четверо детей. В 1941 году, несмотря на то, что у него была "бронь" и он мог остаться в тылу, ушёл добровольцем на фронт. Был политруком полка, воевал под Москвой. Зимой 1942 года прабабушка получила похоронку, в которой было сказано, что прадед пропал без вести. Его семья прожила в Ленинграде почти всю блокаду. Младшая дочь Светлана умерла и была похоронена на Пискарёвском кладбище в 1942 году. Семью вывезли по Ладожскому озеру на Большую землю на Алтай в самом конце 1943 года, за три месяца до снятия Блокады. Все попытки подробнее узнать о судьбе прадедушки не увенчались успехом...

Второй дедушка моего папы, Ефимов Иван Степанович 1910 года рождения, всю войну прослужил в железнодорожных войсках и до самой смерти в 1971 году работал на железной дороге. Похоронен на Пундоловском кладбище.

Прабабушки и их семьи по папиной и маминой линии остались за линией фронта и пережили ужасы оккупации.

Одну из бабушек (жену Владимира Дмитриевича) Марию Ивановну Бушунову (в девичестве Ярицу) угнали в концлагерь в Прибалтику, но ей удалось сбежать. Она жива и здорова по сей день, недавно отметила своё 89-летие.

Прошло так много времени с того ледящего кровь и душу события, время уносит нас всё дальше от трагедии тех лет. Но мы обязаны чтить и уважать память тех, кто отдал жизнь ради нашего существования, мы обязаны знать историю этой войны, чтобы никогда больше не допустить этого. Пусть над нашими головами будет только ясное и мирное небо.